

Самосуд как индикатор деструктивных процессов в современном российском обществе

Смирнов А.М.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4779-4971>, e-mail: vipnauka@list.ru

В статье актуализируется вопрос о распространенности в российском обществе самосудных расправ над причинителями вреда, поскольку наличие этой древней практики в современных условиях развития общества свидетельствует о деструктивных процессах в нем. Выделяются и характеризуются социально-психологические детерминанты данного негативного явления, среди которых: рост социальной агрессивности, чувства ненависти или вражды; дефекты правовой психологии, обусловленные развитием правового нигилизма; разочарование в эффективности работы правоохранительных органов на фоне высоко уровня преступности в стране; неприятие гуманизма отечественной уголовной политики; менталитет и криминализация российского общества; формирование привыкания к мести и самосуду, культивируемое средствами Масс медиа и т. д. Катализатором самосудов над причинителями вреда главным образом выступают аффект, фрустрация, стресс и негодование, вызванные совершенным преступлением или иным правонарушением, которые сводят «на нет» сдерживающие императивы поведения. Автор приходит к выводу о необходимости разработки соответствующих мер, которые предлагаются в работе, по искоренению данного негативного явления в российском обществе для обеспечения его большей цивилизованности.

Ключевые слова: самосуд, социально-психологические детерминанты самосуда, социальная деструкция, социальная агрессия, ненависть, вражда, социальная справедливость.

Для цитаты: Смирнов А.М. Самосуд как индикатор деструктивных процессов в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 84-91. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100107>

Lynching as an indicator of destructive processes in modern Russian society

Alexander M. Smirnov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4779-4971>, e-mail: vipnauka@list.ru

The article updates the issue of the prevalence of vicious punishment of harm-doers in Russian society, since the presence of this ancient practice at this point of community development indicates destructive processes in it. The following socio-psychological determinants of this phenomenon are

designed and highlighted: the growth of social aggressiveness, feelings of hatred or enmity, defects in legal psychology caused by the development of legal nihilism, disappointment in the effectiveness of law enforcement agencies against the backdrop of a high level of crime in the country, rejection of the humanism of domestic criminal policy, mindset and the criminalization of Russian society, the formation of addiction to revenge and lynching, cultivated by the media. The catalyst for lynching harm inflicted primarily by affect, frustration, stress and resentment caused by a crime or other offence, which nullify the restraining imperatives of behaviour. The author concludes that it is necessary to develop appropriate measures that are proposed in the work to eliminate this negative phenomenon in Russian society.

Keywords: lynching, socio-psychological determinants of lynching, social destruction, social aggression, hatred, enmity, social justice.

For citation: Smirnov A.M. Lynching as an indicator of destructive processes in modern Russian society. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.84-91. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100107>

Самосуд как средство расправы над причинителем вреда зародился буквально с самим обществом [17]. Как показывает анализ истории развития общества, он наиболее характерен для первобытнообщинного строя, догосударственного периода формирования общественных отношений, времени, когда государство еще не было достаточно сильной структурой, в котором право, как средство регулирования данных отношений, еще не было достаточно развито. В этот период развития человеческого общества его представителям в основном приходилось полагаться на самих себя, самостоятельно разрешая возникшие конфликтные ситуации, выбирая средства и методы реагирования на причинителей вреда, что в определенной степени оправдывало практику самосуда в системе социального взаимодействия.

История развития государства и общества свидетельствует о том, что формируя цивилизационные основы своего существования и развития, они стремились избавляться от первобытных (варварских) механизмов регулирования общественных отношений, заменяя их более прогрессивными [7; 8; 22]. Вместе с тем самосуд, который по всем признакам имеет архаический характер, до сих пор сохранил свои позиции в обществе и продолжает выступать одним из актуальных средств реагирования на причинителей вреда, что не может не вызвать опасений.

Анализ практики социальных отношений в современной России свидетельствует о том, что самосуд имеет достаточно большое распространение в системе защиты личностью своих прав и свобод от противоправных посягательств, причем продолжает реализовываться достаточно жестокими (варварскими) средствами и методами, указывая на сохранение в современном российском обществе различных деструктивных процессов.

Несмотря на большую значимость для отслеживания динамики подобных процессов в обществе и выработки мер по их профилактике, специальные статистические данные по самосудным расправам в современной России, к сожалению, не собираются и не анализируются. Судить о масштабах распространения этого негативного социального явления в нашей стране можно только по результатам отдельных редких социологических исследований. Так, например, согласно информации, озвученной в отечественных средствах массовой информации, достаточно значительная часть (около 75%) россиян потенциально морально и психологически готовы совершить самосуд над обидчиком для защиты себя или своей семьи¹.

---

¹ Дискуссия в российском обществе: как остановить самосуд и не бросить тех, кто ждет справедливости // URL: <http://www.1tv.ru/news/social/216619>, (дата обращения: 01.10.2019).

Изучение современной практики реагирования на лиц, совершающих противоправные посяательства², позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в нашей стране накоплено достаточное количество причин и условий, способствующих распространению рассматриваемого явления, одно из главных мест среди которых занимают различного рода деструктивные процессы, происходящие в российском обществе, имеющие психологическую основу.

Специалисты, занимающиеся исследованием глобальных вопросов развития и функционирования современного мирового сообщества, говорят о развитии в нем различного рода деструктивных дискриминационных практик, таких как сепаратизм, ксенофобия, национализм, культивируемые идеями экстремизма и религиозного радикализма³. Эти процессы оказывают свое негативное влияние на состояние развития любого современного государств и общества [11], в том числе и в России, усиливая в российском обществе социально-психологическую напряженность в межличностных отношениях, обуславливая конфронтацию между представителями различных социальных общностей и групп, стимулируя развитие в нем анархистских настроений, приводящих к реанимации первобытных механизмов регулирования социальных противоречий [9].

Одной из основных причин популярности среди российских граждан самосудов являются дефекты правовой психологии, способствующие восприятию идеи правового нигилизма, стимулирующие предрасположенность пренебрегать мерами реагирования на нарушение нравственных и правовых запретов и ограничений в рамках закона [15]. Все это усиливается свойственными для современного российского общества чувствами ненависти и вражды, «питаемыми» идеологическими соображениями [24].

Психологи выделяют такие факторы, деструктивно влияющие на правовую психологию российских граждан, как: низкий потенциал психологического влияния, оказываемого положениями нормативных актов на поведение граждан; отставание нормативного регулирования общественных отношений от динамики их изменений в социуме; низкая степень психологического воздействия системы правого воспитания на население России в связи с недостаточным учетом при ее реализации современных реалий и вызовов социально-психологического развития; распространенность и развитость в обществе правового нигилизма; социально-психологический дискомфорт жизнедеятельности населения России, вызванный недовольством работы государственных органов по обеспечению прав и свобод граждан; психологический дисбаланс взаимоотношений между представителями различных социальных групп и общностей; снижение авторитета служителей правопорядка у населения страны; общее понижение уровня общественной морали; злоупотребления представителями власти своими полномочиями в связи с практически полной своей безнаказанностью, обусловленной широкими возможностями неприкосновенности; практически полная бесконтрольность в распространении идеологии психологического и физического насилия, жестокости в различных сферах жизни общества; открытая пропаганда средствами массмедиа допустимости и целесообразности самостоятельной защиты своих прав и свобод с помощью любых доступных средств; распространение среди граждан норм криминальной субкультуры, активное применение их при разрешении возникших противоречий, романтизация криминального образа жизни; недостаточно развитая система защиты общечеловеческих ценностей от небрежного, аморального отношения с ними; развитость коррупционных настроений среди представители власти на всех уровнях, в том

² Для формулирования выводов, представленных в настоящей статье, ее автором были проанализированы 90 приговоров Российской Федерации о привлечении к уголовной ответственности за преступления, совершенные в период с 2006 по 2017 годы по мотивам мести, 12 из которых — по мотивам «кровной мести».

³ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 88. (Документ утратил юридическую силу).

числе среди служителей правопорядка; недостаточная психолого-педагогическая результативность и развитость нравственного и правового воспитания сотрудников правоохранительных органов; девальвация системы включения граждан в укрепление законности и правопорядка, невключение институтов гражданского общества в систему противодействия преступности и др. [25]

Согласно точке зрения некоторых авторитетных психологов, агрессия сама по себе выступает ничем иным, как одним из выражений универсальной психоэмоциональной предрасположенности индивида, которая, в зависимости от сложившейся обстановки, адаптируется к ней, и степень ее выраженности базируется на характере индивидуального научения личности. Это говорит о том, что всем людям свойственна агрессивность, которая выступает своеобразной адаптивной реакцией на различные угрозы безопасности жизнедеятельности [3].

Именно поэтому в психотипе современных российских граждан обнаруживаются настроения, побуждающие людей находить любую мишень для выражения своего внутреннего гнева, что в определенной степени и объясняет распространенность самосудных расправ в России, поскольку по своей психологической составляющей эти расправы выступают своеобразным выражением социальной агрессии, основанной на психологии выживания, которая чаще всего имеет неконтролируемый характер.

Одной из психологических детерминант самосуда является чувство ненависти, культивируемое паттернами возбуждения и раздражения. В том случае, когда внутреннее возбуждение сопряжено с отсутствием личной ответственности, при которой контроль над принятыми в обществе нормами поведения исчезает, последствия приобретают самые неожиданные формы. В этих ситуациях люди способны совершать самые неожиданные для них поступки — от нарушений выработанных и зафиксированных сознательно правил поведения, в том числе базирующихся на нормативных предписаниях, до импульсивного проявления различного рода деструктивных действий, на совершение которых человек в обычной обстановке не готов [12].

Самосудные расправы — это в основном групповое проявление человеческой активности, в реализации которой принимают участие не только лицо, пострадавшее от действий причинителя вреда, но и иные не равнодушные к случившемуся лица.

Как отмечают психологи, в группах люди более напряжены и возбуждены и не всегда готовы принимать верные консолидированные решения при выполнении достаточно сложных задач. При этом групповая сплоченность усиливает чувство враждебности и неприятия к какому-либо раздражителю. Эта сплоченность нивелирует любое инакомыслие по отношению к общей идее, реализуемой группой, заставляет людей, входящих в нее, еще больше верить в правильность и бескомпромиссность действий, совершаемых группой [12]. Именно поэтому самосуд чаще всего характерен для толпы.

Весьма оригинальное объяснение психологической природы самосудных расправ было сделано З. Фрейдом. Ученый сопоставлял их реализацию со своеобразным выбросом переизбытка психической энергии, которую он именовал «Танатосом», представляющим собой экзистенциальный инстинкт разрушения. Этот инстинкт получает свою реализацию в действиях человека, осуществляемых, когда происходит блокирование высвобождения нереализованной психической энергии, которая в силу этого трансформируется в агрессию, чаще всего неконтролируемую, усиливающуюся невозможностью высвобождения либидо, так как объект любви исчезает. Именно поэтому, например, родители предрасположены самостоятельно мстить за гибель своего любимого ребенка [14].

Анализ практики самосудных расправ через приму теории выживания свидетельствует о том, что эти расправы выступают социально-психологическим выражением инстинкта

самосохранения, проявляющегося у человека во время наступления опасности, и направлены на защиту своей микрогруппы (семьи) от внешних опасностей.

Социальные конфликты, порождающие самосудные расправы над причинителями вреда, в основном обусловлены крайней неадекватностью действий их виновников установленным в обществе правилам поведения, общепризнанным нормам человеческого общежития и жизненным ценностям. Этот тезис подтверждается результатами нашего исследования, согласно которым вершение самосудных расправ учиняется в ответ не на каждое противоправное деяние, а только за те из них, в результате которых были лишены жизни близкие родственники и дорогие для вершителя подобных саморасправ лица; случайно погибли невинные люди, особенно несовершеннолетние; при этом эти деяния были совершены с особой жестокостью, с причинением значительных страданий жертве, сопряжены с издевательствами над ней, привели к наступлению тяжких или особо тяжких последствий, стали следствием возмутительной безответственности и халатности со стороны причинителей вреда.

Чаще всего рассматриваемые саморасправы совершаются над лицами, ведущими криминальный образ жизни с устойчивыми антисоциальными установками, вызывающими у людей сильные душевные переживания эмоционально-импульсивного характера, обуславливающие возникновение непреодолимого чувства мести за совершенное деяние.

Именно поэтому самосудные расправы совершаются, с одной стороны, лицами с повышенной агрессивностью, у которых недостаточно или вообще не развиты внутренние механизмы самоконтроля и самообладания, а с другой стороны — индивидами, находящимися в состоянии сильного отчаяния и страха за безопасность своих близких, особенно в ситуации сохранения жизни причинителю вреда [18; 20].

Политика государственного реагирования на правонарушителей в России построенная таким образом, что характер публичного реагирования на правонарушителей не всегда, и даже весьма часто, вступает в противоречие с обыденными представлениями о справедливости, с давних пор существующими и укрепившимися в мировоззрении обычных граждан [1; 4; 16]. Именно поэтому гуманное реагирование государства на причинителей вреда, особенно выразившегося в лишении жизни близких людей, помещение правонарушителя в достаточно комфортные условия отбывания наказания вызывает негативную реакцию у обычных граждан, в связи с чем у некоторых из них возникает стойкое желание не отдавать своих обидчиков «в руки» официального правосудия, чтобы тем самым не испытать «двойной удар» по своим моральным принципам — сначала от преступника, а потом от гуманизма по отношению к нему со стороны государства. Этот диссонанс государственного и субъективного представления о характере реагирования на причинителей вреда и вызывает желание граждан учинять саморасправы над ними.

Самосудным расправам свойственен соответствующий психоэмоциональный фон, который возникает в силу аффективного состояния, стресса и фрустрации, порожденных совершенным преступлением или иным правонарушением, которые ослабляют силу влияния на человека сдерживающих императивов поведения в обществе.

Возникновение желания совершить самостоятельную расправу над причинителем вреда чаще всего свойственно лицам, наделенным обостренным чувством справедливости, крайне безразлично относящимся к необходимости защиты и сохранения социальных ценностей [19].

Катализатором подобного психоэмоционального состояния у людей выступает неспособность сотрудников полиции найти управу на правонарушителей [10; 13; 21].

Любая развитая в нравственном плане личность не может существовать без понятий о чести, достоинстве и самоуважении. Когда человек становится свидетелем утраты или девальвации подобных смысловых ценностей у иных представителей общества, то ищет возможности компенсировать этот дисбаланс. Самосуд как раз и выступает одним из

психологических средств этой компенсации, при вершении самосуда человек начинает верить, что подобным образом берет на себя миссию восстановления справедливости.

Именно поэтому, как верно указывают некоторые психологи, фундаментальные основы распространенности самосуда необходимо искать в социально-психологическом состоянии общества, в наличии или отсутствии в нем цивилизованных моральных ценностей и установок [2; 5].

Это и объясняет реанимацию рассматриваемой нами первобытной практики разрешения социальных конфликтов на психоэмоциональном, подсознательном уровне, поскольку результаты исследований некоторых авторов свидетельствуют о развитии в современном российском обществе кризиса нравственно-психологических ценностей, что стало причиной возникновения ситуации моральной и нравственной вседозволенности, при которой прав тот, у кого больше прав, кто сильнее, хитрее, изворотливее [6].

Так, например, согласно результатам социологического исследования НИИ Генпрокуратуры РФ, большинство респондентов (40%) указали на то, что в современном российском обществе успешным человеком можно стать только в случае нарушения норм морали или закона [23].

Таким образом, психологическое состояние современного российского общества является «благодатной» почвой для распространения в нем первобытных (варварских) практик разрешения социальных конфликтов, одними из которых выступают самосудные расправы над причинителями вреда, что указывает на наличие в обществе деструктивных процессов. Именно поэтому необходимо разрабатывать соответствующие меры по искоренению данного негативного явления среди российских граждан для большего соответствия России цивилизованному государству. Первостепенное внимание в этом направлении необходимо уделять повышению уровня культуры и нравственности в межличностных отношениях, формированию в сознании российских граждан негативного отношения к самосудным расправам как проявлению примитивизма и варварства в общественных отношениях. Кроме того, необходимо проводить работу по повышению авторитета правоохранительных органов в российском обществе, повышению результативности их работы для укрепления в сознании российских граждан убежденности в том, что эти органы и государство являются единственными эффективными субъектами реагирования на нарушителей законности и правопорядка в обществе.

Литература

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
2. Алексеева Л.В. Правовое самоуправление личности // Юридическая психология. 2011. № 1. С. 9—12.
3. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб: Питер, 2004. 496 с.
4. Босхолов С.С., Бадмаева Б.Б. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 3. С. 28—34.
5. Глезерман Т.Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М.: Политиздат, 1979. 303 с.
6. Корсантия А.А., Максименко И.В. Основные причины детерминации преступности в Российской Федерации // Право и безопасность. 2009. № 2. С. 100—105.
7. Криминология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2010. 912 с.
8. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: Тип. Второго Отделения Собств. е.и.вел. канцелярии, 1843. 151 с.

9. Ли Д.А. Преступность как социальное явление. Системный анализ. М.: Гельва, 1997. 85 с.
10. Лунеев В.В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993. № 4. С. 4—10.
11. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Юр.Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2015. 272 с.
12. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
13. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. СПб.: Изд-во С.-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, 2000. 279 с.
14. Можгинский Ю.Б. Подходы к анализу тяжелых форм антисоциального поведения в детском и подростковом возрасте // Юридическая психология. 2009. № 1. С. 40—46.
15. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
16. Овчинский В.С. Суд и самосуд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html> (дата обращения: 16.04.2019).
17. Пономарева Л.В. Самосуд: причины, следствия, возможности предотвращения // Российский следователь. 2009. № 4. С. 21—25.
18. Смирнов А.М. Криминологическая характеристика лиц, совершающих самосудные расправы в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3(23). С. 12—14.
19. Смирнов А.М. Самосуд в России. М.: Юрлитинформ, 2013. 384 с.
20. Смирнов А.М. Социально-психологические детерминанты самосуда в России // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 28—31.
21. Старков О.В., Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2001. 461 с.
22. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1902. 823 с.
23. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / Под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. 839 с.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности [Электронный ресурс]. // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/from_an/index.php, (дата обращения: 02.04.2019).
25. Энциклопедия современной юридической психологии / Под общ. ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. 607 с.

References

1. Alekseev A.I. Ovchinsky V.S. Pogegailo E.F. Rossiyskaya ugovovnaya politika: preodoleniye krizisa [Russian criminal policy: overcoming the crisis]. Moscow: Norma, 2006. 144 p.
2. Alekseeva L.V. Pravovoye samoupravleniye lichnosti [Legal self-government of an individual]. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal Psychology]. 2011. No. 1. S. 9-12.
3. Blekborn R. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya [Psychology of criminal behavior]. Saint Petersburg: Piter, 2004. 496 s.
4. Boskholov S.S., Badmaeva B.B. O ponyatii i kriteriyakh kriminologicheskoy obosnovannosti gumanizatsii ugovovnoy politiki [On the concept and criteria of criminological substantiation of the humanization of criminal policy]. Kriminologicheskii zhurnal BGUEP [Criminological journal BSUEP]. 2012. No. 3. Pp. 28-34.
5. Glezerman T.Ye. Zakony obshchestvennogo razvitiya: ikh kharakter i ispol'zovaniye [The laws of social development: their nature and use]. M.: Politizdat, 1979. 303 p.
6. Korsantiya A.A., Maksimenko I.V. Osnovnyye prichiny determinatsii prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii [The main reasons for the determination of crime in the Russian Federation]. Pravo i bezopasnost' [Law and security]. 2009. no 2. Pp. 100-105.

7. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: a textbook] / under the general. ed. A.I. Debt. 4th ed., Revised. and add. М.: NORMA — INFRA-M, 2010.912 p.
8. Kunitsyn A. Istoricheskoye izobrazheniye drevnego sudoproizvodstva v Rossii [Historical depiction of ancient legal proceedings in Russia]. Saint Petersburg: Type. The Second Branch of the Property. e. chancery, 1843. 151 p.
9. Lee D.A. Prestupnost' kak sotsial'noye yavleniye. Sistemnyy analiz. [Crime as a social phenomenon. System analysis]. Moscow: Gelva, 1997. 85 p.
10. Luneev V.V. Epokha globalizatsii i prestupnost' [The era of globalization and crime]. Moscow: Yur.Norma, SIC INFRA-M, 2015. 272 p.
11. Luneev V.V. Tendentsii prestupnosti: mirovyye, regional'nyye, rossiyskiye [Crime trends: global, regional, Russian]. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 1993. No. 4. Pp. 4-10.
12. Mayyers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Saint Petersburg: Praym-Yevroznak, 2002. 512 p.
13. Milyukov S.F. Rossiyskoye ugolovnoye zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza: monografiya [Russian criminal law: the experience of critical analysis: a monograph]. Saint Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 2000.279 p.
14. Mozhginskiy YU.B. Podkhody k analizu tyazhelykh form antisotsial'nogo povedeniya v detskom i podrostkovom vozraste [Approaches to the analysis of severe forms of antisocial behavior in childhood and adolescence]. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. 2009. no 1. Pp. 40-46.
15. Novgorodtsev P.I. Vvedeniye v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya [Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern justice]. Moscow: Nauka, 1996. 269 p.
16. Ovchinsky V.S. Sud i samosud [Court and lynching] // URL: <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html>, (accessed 04.16.2019).
17. Ponomareva L.V. Samosud: prichiny, sledstviya, vozmozhnosti predotvrashcheniya [Lynching: causes, effects, prevention options]. Rossiyskiy sledovatel' [Russian investigator]. 2009. No. 4. Pp. 21-25.
18. Smirnov A.M. Kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh samosudnyye raspravy v Rossii [Criminological characteristics of persons committing massacre in Russia]. Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye [Institute Herald: crime, punishment, correction]. 2013. No. 3 (23). Pp. 12-14.
19. Smirnov A.M. Samosud v Rossii [Lynching in Russia]. Moscow: Yurlitinform, 2013.384 p.
20. Smirnov A.M. Sotsial'no-psikhologicheskiye determinanty samosuda v Rossii [Socio-psychological determinants of mob law in Russia]. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal Psychology]. 2013. No. 4. Pp. 28-31.
21. Starkov O.V., Milyukov S.F. Nakazaniye: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy analiz [Punishment: criminal law and criminological analysis]. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2001. 461 p.
22. Tagantsev N.S. Russkoye ugolovnoye pravo: lektzii [Russian criminal law: lectures]. Saint Petersburg: State Printing House, 1902. T. 1. 823 p.
23. Teoreticheskiye osnovy issledovaniya i analiza latentnoy prestupnosti: monografiya [Theoretical bases of research and analysis of latent crime: a monograph] / pod red. S.M. Inshakova. M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2011. 839 p.
24. Fromm E. AnATOMiya chelovecheskoy destruktivnosti [Anatomy of human destructiveness] // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/from_an/index.php, (accessed 04.04.2019).
25. Entsiklopediya sovremennoy yuridicheskoy psikhologii [Encyclopedia of modern legal psychology] / Pod obshch. red. A.M. Stolyarenko. M.: YUNITI-DANA. 2003. 607 p.